

Верник О. А.
(Украина)

ТРАДИЦИИ Н. С. ГУМИЛЁВА В СТИХОТВОРЕНИЯХ О ВОЙНЕ «СЕРАПИОНОВЫХ БРАТЬЕВ» И РИММЫ КАТАЕВОЙ

Многие русские поэты XX столетия испытывали на себе влияние личности и творчества Н. С. Гумилёва, им оказались близки и мировоззрение поэта, и его взгляд на природу литературного творчества, и художественный мир произведений. Сегодня во всем мире у поэта-акмеиста множество последователей и учеников. Обращение к изучению гумилёвских традиций в стихотворениях о войне литературной группы 1920-х годов «Серapiоновы братья» и современного автора Риммы Катаевой позволит увидеть непрерывность творческого влияния Н. С. Гумилёва.

Ключевые слова: Н. С. Гумилёв, Римма Катаева, традиции.

Постановка проблемы. Николай Степанович Гумилёв ушел добровольцем на фронт в 1914 году. «Военный» цикл стихов является своеобразным воплощением в жизнь идеалов, устремлений поэта, поскольку в этих жёстких и страшных условиях могли проявляться свойственные ему сила духа, рыцарство чести и воинское бесстрашие.

Изложение основного материала. Участие Гумилёва в военной компании способствовали жизненные обстоятельства 1913-14 гг. Это время отмечено творческими и личными неудачами, обусловившими его депрессивное настроение. Произошёл раскол «Цеха поэтов», возникли творческие конфликты, что в итоге в марте 1914 г. привело к закрытию «Гиперборей» и разрыву с С. М. Городецким. Поэтому военные события лета 1914 г. являлись своеобразным избавлением для Гумилёва, позволившим по-новому взглянуть на свою жизнь и уйти от модернистских настроений Петербурга. «Война... – пишет Ю. Зобнин, – являлась в глазах Гумилёва своеобразным очистительным огнём, мгновенно разрушающим наносную кору «рефлексий и сомнений» (С. Городецкий) и обнажающим истинную, первобытно-девственную человеческую душу, с которой он «заново» войдёт в «обновлённый мир». По мысли Гумилёва, «под пулями в рвах спокойных» человек обретает всё величие и радость своего существования, чувствует истинную ценность простых человеческих чувств: любви ненависти, дружбы, скорби и т. п., которые предстают в своей перво-данной ясности» [1, с. 136–137]. Современники

поэта, видевшие его во время кратких отпусков в Петрограде, отмечали большие изменения в его поведении и характере: «Был Гумилёв, – писал к Л. Я. Гуревич Ю. А. Никольский, – и война с ним что-то хорошее сделала. Он читал свои стихи ... просто, и в них самих были отражающие истину моменты... Этот было серьёзно – весь он, и благоговейно. Мне кажется, это очень много» [Цит. по: 2, с. 183]. Н. Оцуп считал, что и «войне довелось дорисовать черты личности и поэзии Гумилёва», поскольку ему «опротивел молодой претенциозный денди, исполненный надменности и самодовольства» [3, с. 92].

Военные события послужили основой для целого ряда стихотворений, до сих пор вызывающих полярное отношение исследователей. Одни склонны видеть в нём прежде всего «певца войны», которого абсолютно не волновали судьбы России, потому что, по их мнению, он был политически близорук и наивен: «Конечно, в годы первой мировой войны... – пишет Давидсон, – всё же были люди, видевшие события более трезво и мудро, чем Гумилёв. Но Гумилёв... Напомню слова, сказанные мне о нём Анной Андреевной Ахматовой:

– Какой он политик? Наивный был человек.

К тому же – а может быть в этом и таится главное объяснение – он с детства привык видеть в себе воина» [4, с. 195].

Другие исследователи обращают внимание на патриотизм поэта, чувство христианского долга, повелевающего отдать свою жизнь за жизнь другого. Невозможно видеть в его стихах только

политическую близорукость, поскольку все, сказанное им, было подкреплено не только жизненной позицией, но и делом, непосредственным участие в боях. «Гумилёв прошёл все тяготы войны, голода, наступлений и отступлений в самые тяжёлые годы – с 1914 до начала 1916 г., и никогда не жаловался», – писал Р. Плетнёв [5, с. 586]. С этим мнением перекликаются справедливые, на наш взгляд, слова Г.И. Чулкова: «Нелицемерно принимают войну как таковую, войну как «рыцарское и благородное» состояние, а не как необходимое, но всегда ужасное зло, лишь люди такого душевного строя, который вовсе не созвучен новой жизни, новой культуре, новому религиозному сознанию.

Гумилёв – один из них. Он даже не подозревает возможность рефлексии в деле войны. Он до конца искренен в своей любви в бранной славе ... Здесь искренность, твёрдость, непосредственность, которым позавидует, пожалуй, и самый убеждённый из германских воинов ... Стихов, посвященных войне, немного в книгах поэта, но ко всему в этом мире он подходит, как воин, которого на время отпустили из стана, чтобы он отдохнул и пображничал» [6, с. 206-207].

Наступление русской армии в Восточной Пруссии воссозданы поэтом в стихотворении «Наступление». Гумилёв передаёт состояние обессиленного героя, армия которого уже четвертый день идет в наступление:

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня,
Мы четвёртый день наступаем,
Мы не ели четыре дня [7].

Лирический герой осознает себя избранным, носителем «мысли великой», которая охраняет его от смерти. И здесь Гумилёв предстаёт для многих своих современников, видевших в нём только певца Дальних Странствий и экзотики, в совершенно новом ключе – он патриот, чувствующий как «Золотое сердце России / Мерно бьётся в груди моей». Всё стихотворение исполнено особым ликующим настроением воина, идущего в наступление, заставляющего бежать врага. Об этом особом настроении войска при взятии Владислава Гумилёв писал и в «Записках Кавалериста»: «Эти шоссейные дороги, разбегающиеся в разные стороны, эти расчищенные, как парки, рощи, эти каменные домики с красными черепичными крышами наполнили мою душу сладкой жаждой стремления вперёд, и так близко показали мне мечты Ермака, Перовского и других представителей России, завоевывающей и торжествующей» [7].

А в письме к М. Л. Лозинскому от 1 ноября 1914 г., описывая эти же бои, Гумилёв более откровенно передает своё ощущение: «Я могу сказать, что это лучшее время моей жизни. Оно несколько напоминает мне мои абиссинские эскапады, но менее лирично и волнует гораздо больше ... Я теперь знаю, что успех зависит совсем не от солдат, солдаты везде одинаковы, а только от стратегических расчётов – а то бы я предложил общее и энергичное наступление, которое одно поднимает дух армии. При наступлении все герои, при отступлении все трусы – это относится и к нам, и к германцам» [7].

Поэтому лирический герой стихотворения, являющийся alter ego автора, говорит:

И так сладко рядить Победу
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага [7].

Высокий дух, осознание своей священной миссии поддерживает воинов; в восприятии поэта здесь не просто армия – здесь христианское войско, с лёгкостью идущее на смерть во имя Отечества. Для них голод, усталость, раны не имеют никакого значения, «Оттого что Господне слово/ Лучше хлеба питает нас».

Те же близкие, и даже интимные для поэта переживания на войне переданы в стихотворении «Солнце духа». «Чувство страшного торжества переполняло моё сознание, – пишет Гумилёв «Записках кавалериста». – Вот мы такие голодные, измученные, замерзающие, только что выйдя из боя, едем навстречу новому бою, потому что нас принуждает к этому дух, который так же реален, как наше тело, только бесконечно сильнее его. И в такт лошадиной рыси в моем уме плясали ритмические строки:

Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму,
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему.

Мне чудилось, что я чувствую душный аромат этой розы, вижу красные языки огня» [7]. Подлинность чувств, пережитых автором, прославление воинов, высокий патриотизм ставят это стихотворение в ряд наиболее ярких произведений поэта. Спокойная уравновешенная жизнь тешит плоть, но убивает дух, только вселенские катастрофы способны пробудить и показать человеку истинный смысл его жизни:

Как могли мы прежде жить в покое
И не ждать ни радостей, ни бед,
Не мечтать об огнезаром бое,
О рокошущей трубе побед [7].

Анализируя религиозный смысл стихотворения, И. Делич справедливо отмечает: «Один из ликов Апокалипсиса – война, и батальную поэзию Гумилёва необходимо рассматривать прежде всего как принятие Катастрофы и Суда а не проявления войны как таковой. Война несёт наказание для «всегда слишком твёрдой плоти» и пробуждает дух. Именно в терминах пробуждения описана война в стихотворении «Солнце духа» ... Победы, которые имеет в виду поэт, – это прежде всего победы духа» [8, с. 486]. Действительно, все без исключения «военные» стихотворения Гумилёва несут в себе религиозный смысл, такая особенность объясняется религиозным мировоззрением автора, который оправдывает человеческие жертвы высокой миссией, и познанием Бога, которое приходит в критические моменты жизни.

Все чувства, ощущения, все события, участником которых был автор, весь его военный опыт сосредоточен в стихотворении «Война». Поэт изображает боевые события как обычный, привычный труд, соединяя бытовую и религиозно-философские планы. Воины – это жнецы, «подвиг сеющие и славу жнущие» на полях сражений, где твоякает собака-пулемёт и жужжат пчелы-шрапнели. В стихотворении переплетены реально-бытовой и идеальной планы. Война, смерть, трагедии переплетаются с пониманием священного долга перед Отечеством, перед цивилизацией и культурой, с чувством святого, богоугодного дела во славу Господа. За плечами христианского воина видны «серафимы, ясны и крылаты», олицетворяющие их правоту. Поэт просит Господнего благословения для воинов, потому что их души ничем не уступают душе земледельцев и монахов, ведущих мирный образ жизни:

Как у тех, что гнутся над сохой,
Как у тех, что молят и скорбят,
Их сердца горят перед тобою,
Восковыми свечками горят [7].

«Сквозь гром и скрежет грозы войны, – пишет Зобнин, – лирический герой военного цикла слышит и неведомый гармонический «призыв», увлекающий его в стихию навстречу гибели. В стихотворениях этот призыв является то «голосом войны», то «песней судьбы», то «пением ангелов», то «ослепительным светом» ... так «мириной» сквозит за красками и событиями «мира» [1, с. 133]. Философское осмысление жизни, постигнутое, наверное, не только на войне, но и в трудных путешествиях, представляет собой финал стихотворения. И эти строки, лишённые ура-патриотического пафоса того времени, сви-

детельствуют об искренности поэта и вообще о большей степени авторского начала во всех «военных» стихах Гумилёва:

Но тому, О Господи, и силы
И победы царской час даруй,
Кто поверженному скажет: «Милый,
Вот, прими мой братский поцелуй!» [7]

Участники литературной группы «Серапионовы братья» были одними из наиболее талантливых авторов, пришедших в начале 1920-х годов в литературу. Они чувствовали необходимость в ученичестве, поэтому посещали занятия в Студии переводчиков при издательстве «Всемирная литература» и в Литературной студии при Доме искусств, где учились у Гумилёва. Е. Полонская хорошо была знакома с поэтом (ее биограф отметил что «именно Гумилёв профессионально очень многому научил Полонскую, как поэта» [9, с. 14]. Н. Тихонова справедливо считают продолжателем гумилёвских традиций, находят в его творчестве много черт, заимствованных из поэзии предшественника. Поэтому очевидно наличие в их стихотворениях, в частности, в произведениях о войне, творческих связей с «военными» стихотворениями Гумилёва.

Судьба потерянного поколения, бесконечность войны, страшные картины голода и разрухи раскрыты во многих стихотворениях Полонской о войне. Война для ее героини, так же, как и для героя стихотворений Гумилёва, – это тяжелый труд, но у нее это труд в тылу, в ежедневной борьбе с тяготами быта. Автор убеждает читателя в том, что «придут за мертвыми живые люди, / И станут дети мирно засыпать / Под громыханье дальнее орудий» [9, с. 82]. Будущему поколению в наследство достанутся «разрушенные битвой города, / Окопами раскопанное поле» и знание о том, как «черен хлеб, как солонина печаль / Как любят нас и как нас убивают» [9, с. 82]. Одновременно поэтесса печалится от того, что с наступлением мирного времени утратится цена таким простым вещам, которые стали для многих «друзьями смиренными, преданными, безгласными» – «Березовым поленьям, горсти соли / Кувшину с молоком и небогатым / Плодам земли убогой и суровой» [9, с. 86]. Это время останется с героиней навсегда и через много лет, когда «посмеется внучка над старухой... / Заметив, как заботливо и важно / Рука сухая прячет корку хлеба» [9, с. 86].

Трагический быт и голод лишают героиню человеческого облика, она постепенно превращается в озлобленного зверя. В ее жизни физиологическое вытесняет духовное: «Нам снились сны

про голод и беду, / Про черный хлеб, про смрад-
ное жилище, / И не было того, кто пробудившись /
Не встал бы вновь в скрежещущем аду» [9, с. 86].
Лирическая героиня со злобой предупреждает:
«Попробуй, постучись в чужую дверь – / Рыча-
нием ошестинится берлога: / Детенышам здесь
делят корм теперь... / Не подходи, чужой, не дам,
не трогай!» [9, с. 86]. Ужасы войны не только
лишают человека его облика, но и делают из людей
испуганное животное, которое «шарахается...и
мечется,... и дыбится, смятения полно, / И топчут
задние ряды упавших» [9, с. 104].

Величие военного дела, подвига сближает сти-
хотворения Н. Тихонова с поэзией Н. Гумилёва.
В «Песне об отпускном солдате» поэт создает тра-
гические образы солдат, у которых так же, как и
у Гумилёва, за плечами «ясны и крылаты» сера-
фимы. Стихотворение начинается словами бата-
льонного, который на просьбу егеря отпустить его
попрощаться с умирающей женой, отвечает: «Не
могу отпустить. Погоди: / Сегодня ночью послед-
ний бой» [10, с. 125]. После боя, в котором погибло
сто двадцать солдат, батальонный каждому уби-
тому сказал: «Спасибо, брат!». После этих слов у
«мертвых руки по швам ровнялись сами собой». Когда же он обратился к погибшему егерю: «Слу-
шай, Денисов Иван! / Хоть ты не егерь мой, / Но
приказ по роте дан, / Можешь идти домой», умер-
ший встал и «далеко ушел на восток» [10, с. 126].
Страшная картина воскрешения мертвого, с одной
стороны, подчеркивает трагизм и безысходность
эпохи, и демонстрирует превалирование высокого
чувства долга, чести над естественным желанием
быть вместе с семьей. На наш взгляд, образ бата-
льонного своим милосердием близок лириче-
скому герою Гумилёва из стихотворения «Война»,
который говорит убитому им врагу: «Милый, /
Вот, прими мой братский поцелуй!» [7]. Так же и
тихоновский батальонный оплакивает своих сол-
дат, которых он послал на смерть. На наш взгляд,
это глубоко трагичный образ, поскольку остав-
шись живым, внутренне он мертв, герой чув-
ствует смерть своих солдат как свою собственную.

Традиции творчества Гумилёва находим и
в современной литературе. Одним из характерных
примеров, на наш взгляд, могут быть стихотво-
рения о войне харьковской поэтессы Р. Катаевой.
Автор хорошо знакома с творчеством акмеистов,
в стихотворениях она неоднократно упоминает

имя Анны Ахматовой, подчеркивает творческую
близость с ней. Мы считаем, что в ее стихотво-
рениях очевидны и переключки с гумилёвским твор-
чеством.

Рецепция событий войны в ее произведениях
так же, как и у Гумилёва, обусловлена непосред-
ственным авторским участием в трагических
событиях этого времени. Наиболее характерным
примером продолжения традиций поэта-акме-
иста, на наш взгляд, может быть образ Победы
в стихотворениях Катаевой. В их стихотво-
рениях слово «победа» всегда написано с большой
буквы, это позволяет нам говорить о персонифи-
кации образа в творчестве Гумилёва и Катаевой.
В стихотворении поэта-акмеиста «Наступление»
Победа – мечта, греза, нежная девушка, к которой
стремится душа лирического героя. У Гумилёва
читаем: «И так сладко рядить Победу / Словно
девушку, в жемчуга» [7].

Такое же восприятие победы как самой завет-
ной мечты находим и в поэтическом монологе
Катаевой «Мое поколение»:

Как мы ждали ее! Как хотели разведать,
У родных, у земли поточнее узнать,
По народным приметам верный выискать знак:
Ну, когда же, когда же, когда же победа?!
... Услыхав наконец о прорыве блокады,
Мы решили: Дорогою жизни пошла –
Вся из хлеба ржаного и вся из тепла –
Молодая Победа в дома Ленинграда [11, с. 7].

Обратим внимание на то, что и у Гумилёва,
и у Катаевой Победа – молодая хрупкая девушка.
Однако если у поэта-акмеиста герой мечтает
нарядить ее в жемчуга, то героиня современной
поэтессы видит Победу, сотканной из примет
привычной, но пока еще недостижимой жизни, –
из ржаного хлеба и тепла.

Выводы. Таким образом, результаты нашего
исследования свидетельствуют о том, что после
гибели Гумилёва его воздействие на литерату-
рный процесс не только не ослабевает, но и уси-
ливается. Рассмотренные нами гумилёвские
традиции в стихотворениях о войне поэтов лите-
ратурной группы 1920-х годов «Серрапионовы бра-
тья» и современной харьковской поэтессы Риммы
Катаевой являются примером того, как мировоз-
зрение поэта, его рецепция трагических событий
истории находят продолжение в творчестве дру-
гих авторов.

Список литературы:

1. Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Библиография / сост. М. Д. Эльзон, Н. А. Грознова. СПб.: Наука, 1994. 679 с.
2. Азадовский К.М. К биографии Н.С. Гумилёва: Вокруг дневников и альбомов Ф. Ф. Фидлера. Русская литература. 1988. № 2. С. 171–186.
3. Оцуп Н. А. Николай Гумилёв. Жизнь и творчество. СПб.: Logos, 1995. 287 с.
4. Давидсон А. Б. Николай Гумилёв. Поэт, путешественник, воин. Смоленск: Русич, 2001. 416 с.
5. Николай Гумилёв в воспоминаниях современников. Репринтное издание. М.: Вся Москва, 1990. 322 с.
6. Чулков Г. И. Поэт-воин // Н.С. Гумилёв: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1995. С. 451–454.
7. Гумилёв Н. С. Электронное собрание сочинений. URL: <https://gumilev.ru/verses/>.
8. Делич И. Николай Гумилёв // История русской литературы XX века. Серебряный век. М.: Изд. гр. Прогресс – Литера, 1995. С. 488–501.
9. Полонская Е. Стихотворения и поэмы. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Изд-во ООО «Первый ИПХ», 2010. 384 с.
10. Тихонов Н. Избранные произведения. М.: Худож. лит., 1967. 561 с.
11. Катаева Р. Рябиновая ветка: Стихи. К.: Радянський письменник, 1987. 95 с.

ТРАДИЦІЇ М. С. ГУМІЛЬОВА У ВІРШАХ ПРО ВІЙНУ «СЕРАПІОНОВИХ БРАТІВ» ТА РИММИ КАТАЄВОЇ

Багато російські поети ХХ століття відчували на собі вплив особистості і творчості М. С. Гумільова, їм виявилися близькі і світогляд поета, і його погляд на природу літературної творчості, і художній світ творів. Сьогодні у всьому світі у поета-акмеїста безліч послідовників і учнів. Звернення до вивчення Гумілевських традицій в віршах про війну літературної групи 1920-х років «Серапіонові брати» і сучасного автора Римми Катаєвої дозволить побачити безперервність творчого впливу М. С. Гумільова.

Ключові слова: М. С. Гумільов, Римма Катаєва, традиції.

TRADITIONS OF N. S. GUMILEV IN THE POEMS ABOUT THE WAR OF THE “SERAPION BROTHERS” AND RIMMA KATAEVA

Many Russian poets of the 20th century experienced the influence of the personality and creativity of N. S. Gumilev, they were also close to the worldview of the poet, his views on the nature of literary creativity, and the artistic world of works. Today, throughout the world, the Acmeist poet has many followers and disciples. An appeal to the study of the Gumilyov traditions in the poems about the war of the literary group of the 1920s “Serapion Brothers” and the contemporary author Rimma Kataeva will allow us to see the continuity of the creative influence of N. S. Gumilev.

Key words: N. S. Gumilev, Rimma Kataeva, traditions.